

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОЛОГИИ: ОТ ПОСТМОДЕРНИЗМА К СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 130.2 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17>

А. В. Швецова

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: voljaton@rambler.ru

А. Ю. Микитинец

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: mikitinets-a@yandex.ru

О. И. Микитинец

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: olya_mikitinets@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена расширению предметной области культуры и основным методологическим аспектам её современных исследований (постмодернизм, Culture studies, экономика культуры), позволившим говорить о выходе культурологии на трансдисциплинарный уровень. Интегративность современной культурологии позволяет преодолеть узкодисциплинарный подход и избежать появления методологических конфликтов между близкими областями науки при исследовании одного и того же предмета – культуры. Становление прикладного уровня исследований и включение в семантическое поле культуры её ресурсного аспекта позволяют нам определить современный вектор культурологических исследований как трансдисциплинарный. Трансдисциплинарность культурологии опирается, прежде всего, на трансгрессивность самой культуры, которая

ШВЕЦОВА АНТОНИНА ВИКТОРОВНА – доктор философских наук, профессор, Крымский университет культуры, искусств и туризма, декан факультета социокультурной деятельности

МИКИТИНЕЦ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент, Крымский университет культуры, искусств и туризма, проректор по научной работе

МИКИТИНЕЦ ОЛЬГА ИВАНОВНА – кандидат философских наук, доцент, Крымский университет культуры, искусств и туризма, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин

SHVETSOVA ANTONINA VIKTOROVNA – DSc in Philosophy, Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Dean of the Faculty of Social and Cultural Activities

MIKITINETS ALEXANDER YURIEVICH – CSc in Philosophy, Associate Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Vice-Rector for Scientific Work

MIKITINETS OLGA IVANOVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities

© Швецова А. В., Микитинец А. Ю., Микитинец О. И., 2023

рассматривается авторами в контексте постмодернистской парадигмы как методологическая установка, характеризующая неприятие любых поставленных рамок, границ и предполагающая движение сквозь них. Культура интерпретируется как *завершающий штрих*, который позволяет эксплицитно и точно дать характеристику историческим, социальным, политическим и иным явлениям в рамках конкретного социума. Это способствует расширению познавательных стратегий культурологии и изменению их вектора, указывая на сквозной (*trans-дисциплинарный*) характер.

Ключевые слова: культура, постмодернизм, трансдисциплинарность культурологии, Cultural studies, транс-грессивность культуры.

Для цитирования: Швецова А. В., Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Трансдисциплинарность как методологический вектор культурологии: от постмодернизма к современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (111). С. 6–17. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17>

THE TRANSDISCIPLINARITY AS A METHODOLOGICAL VECTOR OF THE CULTUROLOGY: FROM THE POSTMODERNISM TO THE MODERNITY

Antonina V. Shvetsova

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: voljaton@rambler.ru

Alexander Y. Mikitinets

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: mikitinets-a@yandex.ru

Olga I. Mikitinets

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: olya_mikitinets@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the expansion of the subject area of the culture and the main methodological aspects of its modern research (the postmodernism, the cultural studies, the economics of the culture), which made it possible to talk about the emergence of the cultural studies on the transdisciplinary level. The integrativity of the modern cultural studies makes it possible to overcome the narrowly disciplinary approach and avoid the emergence of the methodological conflicts between closely related fields of the science in the study of the same subject – the culture. The formation of the applied level of the research and the inclusion of its resource aspect in the semantic field of the culture allow us to define the modern vector of the cultural studies as the transdisciplinary. The transdisciplinarity of the cultural studies relies, first of all, on the transgressive of the culture itself, which is considered by the authors in the context of the postmodern paradigm as the methodological setting that characterizes the rejection of any set frames, boundaries and involves movement through them. The culture is interpreted as a finishing touch that allows you to explicitly and accurately characterize the historical, social, political and other phenomena within the particular society. This contributes to the expansion of the cognitive strategies of the cultural studies and changes in their vector, indicating the cross-cutting (trans-disciplinary) nature.

Keywords: the culture, the postmodernism, the transdisciplinarity of the cultural studies, the Cultural studies, the transgressive of the culture.

For citation: Shvetsova A. V., Mikitinets A. Y., Mikitinets O. I. The transdisciplinarity as a methodological vector of the culturology: from the postmodernism to the modernity. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111). Pp. 6–17. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17>

Проблема междисциплинарности современных исследований культуры не нова и на протяжении последних лет неизменно находится в фокусе научных дискуссий. Необходимость междисциплинарного подхода к решению исследовательских задач в социальных и гуманитарных областях вызвана, прежде всего, переосмыслением самого понятия культуры, расширением его семантического поля, а также размыванием границ и без того широкого понятия.

В настоящее время культура представляет собой предметную область как фундаментальных наук (философия, культурология, этнология, социальная и культурная антропология, социология, искусствоведение и т. п.), так и относительно новых направлений, затрагивающих те или иные аспекты исследования культуры (например, культурная политика или менеджмент культуры). Чем же вызвано такое многообразие? Прежде всего, невозможностью однозначного определения культуры как отдельной области, то есть того, «... что можно отграничить, обособить и выделить из общей структуры социального бытия; напротив – культура мыслится как некая сущность, которая пронизывает все сферы и аспекты социального бытия, по сути, поддерживая (обеспечивая) его целостность, соотнесенность с человеком» [23, с. 55].

Культура представляет собой, по сути, некий «транзитный механизм», позволяющий человеку адаптироваться в меняющемся мире. Каждое из определений, каждый подход к данному феномену транслирует определенный срез, выражает и отражает существенные признаки и необходимые в каждом конкретном случае функции культуры.

Одно из достаточно широких определений рассматриваемого понятия было дано М. С. Каганом, указавшим, что «культура

есть системная, исторически образованная и исторически изменяющаяся многосторонняя целостность специфических способов деятельности и её опредмеченных плодов: материальных, духовных и духовно-материальных, художественных» [7, с. 44]. Она предстает как «что-то сквозное», проходящее через все сферы бытия человека» [23, с. 59]. И чем больше становится таких сфер, тем сильнее, во-первых, размываются границы культуры, а во-вторых – расширяется поле её исследований, выводя культурологию на междисциплинарный уровень.

Ещё один аспект, позволяющий говорить об усиливающемся междисциплинарном характере современных исследований культуры: ресурсный подход к данному феномену. А также – сближение сфер, казалось бы, не имеющих точек соприкосновения – экономики и культуры, в результате чего «больше невозможно отделить экономическую область или область производства от области идеологии или культуры, поскольку культурные артефакты, образы, репрезентации, даже чувства и психические структуры стали частью мира экономики» [22, с. 31].

Начавшийся вырисовываться в 60-е годы XX века прикладной вектор исследований культуры завершается формированием прикладной культурологии и окончанием основного процесса институционализации отечественной культурологии.

Именно развитие прикладного уровня культурологии позволило говорить о едином междисциплинарном пространстве, невзирая на существование достаточно разрозненных представлений о роли и функциях культуры в историческом, социально-политическом, художественном и экономическом контекстах.

И. М. Быховская, рассматривая прикладную культурологию, определяет её как

междисциплинарную область, включающую весь спектр социокультурных практик [3, с. 16]. Такое понимание прикладного уровня культурологии позволяет включать в него все исследования, так или иначе относящиеся к практике и связанные с социокультурной сферой. Это ещё больше стирает границы собственно культурологического знания и социально-гуманитарных наук, так или иначе имеющих дело с исследованиями определенных аспектов культуры.

Все эти изменения и стали своеобразным базисом для интеграции теоретических и прикладных исследований культуры и выходом культурологии на междисциплинарный и даже трансдисциплинарный уровень, несомненно, сближая её с таким западным феноменом, порожденным постмодернистскими тенденциями, как *Cultural studies*.

В нашей статье мы хотели бы остановиться именно на постмодернистских аспектах формирования интегративного и *трансдисциплинарного* характера современной культурологии.

Междисциплинарный дискурс и интегративность современной культурологии

Необходимость говорить о культурологических исследованиях с позиций междисциплинарности подчеркивается целым рядом отечественных ученых, указывающих на интегративный характер наук о культуре.

Э. С. Маркарян, одним из первых поднявший этот вопрос в отечественном научном пространстве, указывал на необходимость развития именно интегративных знаний о культуре и обществе и настаивал на междисциплинарном взаимодействии наук.

М. С. Каган, описывая специфику культурологии, отмечал, что понимание культуры как целостного явления возможно именно на междисциплинарном уровне, где различные направления, обращаясь «к изучению общего объекта, в процессе комплексного исследования обмениваются информацией,

находя возможность перевода языка каждой из них на язык других» [8, с. 28]. Тем не менее, в настоящее время такая исследовательская парадигма не является доминирующей и в отечественной, и в мировой науке, где «и по сей день <...> господствует дисциплинарная расчлененность и разобщенность всех отраслей знания» [16, с. 248].

Культурология представляет собой достаточно молодую область научного знания, относительно недавно обретшую прикладной (эмпирический) уровень и до сих пор находящуюся в процессе своего становления. О. Н. Астафьева и К. Э. Разлогов, говоря о предмете и структуре культурологии, определяют её как «интегративное научное направление, формирующееся с конца XIX – начала XX в. по мере накопления в различных науках о культуре и человеке теоретических представлений о динамике культурной реальности во времени/пространстве и обобщения эмпирических исследований и наблюдений за развитием культуры и её проявлениями во всей полноте функционального, ценностно-смыслового и символического содержания» [1, с. 1].

Междисциплинарность культурологии подразумевает под собой не только активную интеграцию социально-гуманитарных исследований, но и активное использование методологии смежных областей знания: «Чаще всего приемы сложившихся методов интегрируются в методологический комплекс и трансформируются, рождая новую инструментальную методологическую целостность» [29, с. 130]. Эта интеграция смежной методологии частично решает методологические проблемы культурологии, вызванные как сложностью культуры в качестве объекта исследования, так и изменением современной исследовательской парадигмы (в том числе и под влиянием постмодернизма). Любой метод, как подчеркивают С. Л. Гернер и Ю. В. Китов, подразумевает возможность всей адекватной полноты познания объекта с позиций целостности: «Культура подлежит изучению, потому что

она является данным в настоящем продуктом предельного воплощения человеком своих сущностных сил в его стремлении к идеалу, который человек транслирует во времени» [4, с. 66]. И такое познание культуры невозможно с позиций только одной из научных дисциплин: оно будет крайне узким и односторонним. Междисциплинарный дискурс в исследованиях культуры решает и проблемы методологических конфликтов между близкими областями науки (например, философии культуры и культурологии [13]), пресекая столкновение научных подходов и выводя культурологию на *трансдисциплинарный уровень*: «Трансдисциплинарность обеспечивает прохождение «сквозь» традиционные дисциплинарные границы и когнитивные уровни <...>, позволяет культурологам формировать целостное представление о сложных процессах и изменениях, происходящих в культуре, обществе и человеке» [1, с. 6].

В данном ключе современная культурология понимается как область интегративных, трансдисциплинарных исследований культуры, общества и человека, изучающих и дающих оценку основным аспектам развития и функционирования культуры в предельно широком смысле. Сложность современного понимания культуры, определенная культуроцентричностью социально-гуманитарных наук определяют и прикладной вектор культурологических исследований, который, в свою очередь, способствует расширению познавательных стратегий культурологии и изменению их вектора: «Основная задача прикладного культурологического познания – научно-стратегическое обеспечение практики разрешения реальных социальных проблем» [3, с. 31]. Этот уровень использует весь спектр теоретических знаний о культуре, её механизмах и закономерностях, что отличает прикладные исследования от эмпирических. Следовательно, для его успешного функционирования культурология нуждается в активном приращении теоретических знаний, причем как за счёт собствен-

ных, так и за счёт результатов исследований смежных наук, чтобы удовлетворять специфику потребностей современного общества и человека.

Трансгрессивность культуры и её исследований

Рассмотрение постмодернистской парадигмы культуры происходит в отечественной гуманитарной традиции, как правило, с двух позиций: во-первых, с позиции оценок влияния постиндустриального общества, глобализационных процессов и сближения экономики и культуры; во-вторых, – в контексте текстуализации восприятия культурных, социальных, экономических и иных аспектов её существования.

Постмодернистской концепции культуры посвящено достаточно много работ, подробный анализ которых требует отдельного научного исследования, выходящего за рамки нашей статьи. Здесь мы остановимся только на основных аспектах, позволяющих лучше понять трансдисциплинарную суть современной культурологии.

По сути, постмодернизм не просто предлагает нам текстуализацию культуры, в нем доминирует подход к миру как к тексту – «ткани следов» человеческой жизнедеятельности. Текстом здесь выступает любое бытие, которое может быть «прочитанным» (как наделенное значениями), осмысленным, распознанным, дешифрованным.

Человек сегодня как бы находится в двух мирах («текстах»): *в реальности* физического бытия, где он просто занимает место и существует в определенном временном периоде, и *в культуре*, где он «раскинут» по разным «местам» и «временам» – событиям, делам, поступкам, творческой деятельности в своем неповторимо-уникальном существовании. А смыслы определяются мерой индивидуальной человеческой культуры и мерой «обжитости» мира людьми и т. п.

Культуре постмодерна и постмодернизму как философскому обоснованию этой

культуры посвящены, прежде всего, работы Ж. Ф. Лиотара, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, У. Эко, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, М. Фуко и др. Именно с их идеями связано возникновение новой культурной парадигмы. Среди современных исследователей отметим А. Павлова, рассматривающего социальную и культурную парадигму в контексте постпостмодернизма [18]. Постмодернизм как способ описания и интерпретации социальной и культурной реальности описывается также А.Я. Флиером [27], Ф. Джеймисоном [5] и др. Формирование постмодернистской парадигмы культуры берёт своё начало от восприятия культуры как текста в работах Ю. Лотмана, У. Эко, Р. Барта.

Так, Ю. Лотман одним из первых стал описывать культуру как текст, начиная от художественной культуры и переходя в более поздних произведениях к широкому пониманию культуры в целом как текста, состоящего из чистых, самоценных смыслов, которые невозможно непосредственно свести к чувственно-воспринимаемым феноменам. То есть культура в таком понимании существует как опосредованная реальность, непредметная (в семантическом отношении) реальность. В определенном смысле культура у Ю. Лотмана представляет собой текст в тексте – сложноорганизованную структуру с множеством как внутритекстовых (т. е. внутрикультурных), так и междутекстовых (культуры и реальности) связей [15]. Именно эти связи позволяют культуре существовать как динамической, постоянно развивающейся системе, наполняющейся смыслами вследствие конституирования и развития смысловых пространств, порождаемых носителями культуры. Это функционирование культуры отражается в понятии семиосферы Ю. Лотмана, создающей возможность коммуникации и появления новых смыслов культуры.

Для описания процесса возникновения новых смыслов текстовой реальности и описания культуры в XX веке всё чаще исполь-

зуется понятие «интертекст». Так, М. Бахтин, которому Ю. Кристева приписывала понятие интертекстуальности, указывал на то, что помимо текстов в стандартном понимании к ним относится также и история, и социальная жизнь, куда включается любой текст, подчеркивал, что текст в полной мере не может существовать без контекста. Сама же Ю. Кристева довольно четко определяет интертекстуальность как взаимодействие в тексте между автором, читателем (потребителем) и культурными контекстами: «Всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово (текст)» [11, с. 429]. Именно в такой интерпретации интертекстуальность лежит в основе постмодернистского восприятия культуры и искусства XX века.

Однако постмодернизм, который ни в коей мере не выступает как этически нейтральная программа [30], подвергнувший критике предшествовавшие концепции и парадигмы и легитимизировавший практически все отклонения от нормы, пошёл в текстуализации реальности и культуры значительно дальше. Начиная с деконструктивистского анализа текста Р. Барта (*analyse textuelle*) и «смерти автора», постмодернисты всю реальность свели к текстовой. Так, Ж. Деррида текстуализирует весь мир, сводя структуру последнего к текстовой; для него текст не имеет границ, он абсолютен, нет ничего кроме текста. Т. е. мир трактуется им как «бесконечный и безграничный текст» [24, с. 90], который нужно подвергнуть деконструкции. Разбирая, подвергая деконструкции знак, он выходит к *онтологическому основанию* зарождения смысла, к различению, пучку смысловых нитей, отличающихся от классической трактовки текста как упорядоченного переплетения нитей тем, что предсказать или предугадать «плетение текста» в запутанном, децентрализованном тексте как пучке *практически невозможно*. Текст становится независимым от контекста, т. е. от своей эпохи, от автора-творца,

заменяясь обезличенным письмом, которое везде оставляет свои следы, создавая интертекст, образуя непоследовательное и одновременное пересечение и даже столкновение смыслов в пространстве культуры и мира, превратившихся в текст. Такую смысловую игру письма можно назвать, по выражению Ж. Деррида, *игрой мира*.

И здесь появляется ещё один термин, наряду с интертекстом объясняющий специфику постмодернистского понимания реальности, – гипертекст. В работах Ж. Деррида, М. Кастельса, Ж. Бодрийера и других он понимается как сущностная характеристика действительности.

Соотнеся данные концепции с семиотическим взглядом на формирование личности как процесса пересечения «всех используемых ею кодов и текстов» [6, с. 154], мы обнаруживаем не только абсолютность влияния культуры на человека, но и стирание границы между культурой и остальной социальной реальностью.

Опустив все возможные итоги такого *измененного постмодернистами восприятия мира и культуры* (в силу их многообразия и несоответствия направленности нашего исследования), обратим внимание на один крайне важный аспект для понимания современных (в том числе и постпостмодернистских) тенденций исследований культуры – её *трансгрессивность*. Постмодернистская парадигма, разрушая устоявшиеся семантические связи, подвергает сомнению всякие культурные границы вплоть до их откровенного отрицания и неприятия. Один из классиков постмодернизма (если можно так сказать) Ж. Ф. Лиотар подчеркивает это так: «...состояние постмодерна чуждо как разочарованности, так и слепой позитивности установления границ» [12, с. 12]. Другими словами, «понятие границы, в некотором смысле чужеродно, ибо “постмодернистская чувствительность” предполагает такое устройство познавательного пространства, где нет ни центра, ни периферии» [14, с. 32], а есть только ризоматичная структура.

Идея трансгрессии пронизывает буквально всё, чего касается постмодернистская философия, постнеклассическая наука и современное искусство, воплощая озвученный П. Фейерабендом принцип «эпистемологического анархизма» «допустимо всё (*anything goes*)» [25]: «Трансгрессивность предполагает идею неприятия любых поставленных рамок, границ или ценностных ориентаций. Это своеобразная методологическая установка, характеризующая определенную часть культуры. С необходимостью отметим, что в современной научной литературе для характеристики мышления и рассуждений подобного рода используется словосочетание «философствование по краям», которое по смыслу является очень близким и также, пусть и косвенно, но отражающим данную тенденцию» [14, с. 36].

Как писал М. Фуко, «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» [28, с. 117]. Собственно, понятия трансгрессии и предела неразрывно связаны между собой: трансгрессия характеризуется тем, что «преступает запрет или закон, или что она является нарушением границы между дозволенным или недозволенным, или что она предполагает выход к пределу возможного и пределу конечного» [9, с. 38].

Человек так или иначе сталкивается с различными границами, пределами в своей жизни. Довольно ограниченный в своем физическом и социальном бытии, он, тем не менее, стремится выйти за пределы самого себя в поисках самости и смысла жизни. И здесь проблема трансгрессии очень близка антропологическим законам Х. Плеснера.

Находясь в рамках множества границ, человек стремится уйти от их ограниченности, вырваться из их влияния, подстроить под себя: «Совершать трансгрессию значит выходить по ту сторону границ или пределов, установленных заповедями, законами или обычаями, это значит нарушать и преступать их. Тем не менее, трансгрессия представляет собой нечто большее, чем только преступление, поскольку совершать трансгрессию зна-

чит также утверждать и даже восхвалять заповедь, закон или обычай. Трансгрессия является глубоко рефлексивным актом одновременно и отрицания, и утверждения» [9, с. 40]. Как отмечает С. М. Каштанова, трансгрессия, с одной стороны, иллюстрирует неприятие любых пределов, но, с другой, она сосредотачивает внимание на самой сути границы: «Трансгрессивное поведение <...> не столько отрицает пределы или границы, сколько превышает их и таким образом завершает их. Любое правило, предел, граница или рубеж несет в себе свое собственное разрушение, преступление или побуждение не подчиниться. Трансгрессия составляет часть правила» [9, с. 40].

Таким образом, говоря о трансгрессивности культуры, тем самым мы расширяем её поле, включая в нее всё, порожденное человеком, и подчеркивая, что граница культуры, единственная из всех возможных – это граница с природой, которая отсылает нас к самому широкому определению культуры как искусственной природы, созданной человеком. Не всё исчерпывается культурой, однако она выступает тем *завершающим штрихом*, который позволяет эксплицитно и точно дать характеристику историческим, социальным, политическим и иным явлениям в рамках конкретного социума. А это выводит культурологию даже из дискурса междисциплинарности, предполагающей взаимодействие между дисциплинами, указывая на сквозной (*trans-дисциплинарный*) характер её исследований.

Еще один аспект, подчеркивающий крайнюю *трансгрессивность культуры* – это её сближение, переплетение со сферой, казалось бы не имеющей к культуре никакого прямого отношения – экономикой. А. Павлов напрямую связывает постмодернистскую парадигму с новейшими формами капитализма [17]. Постмодернизм, выступающий, по сути, новым языком описания современного состояния культуры и общества, строится не только на сближении, но и на тесном переплетении культуры и экономи-

ки, что является его самым существенным отличием от модернистских теорий: «теперь всё есть культура, а культура, в свою очередь, растворена в экономике» [18, с. 26].

М. Коняев в своей рецензии на работу Ф. Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» также отмечает, что «культура постмодерна не просто производна от экономики (как надстройка от базиса), она от него неотделима. Культурные отношения в постмодерне – это отношения экономические» [10]. Постмодернистская парадигма строится на ризоматичности, отсутствии чётких границ и смешивании социальной, политической и экономической сфер, которые в конечном итоге производят, распространяют и потребляют культурный продукт.

Культура трансформировалась под влиянием технологий и идей постиндустриализации, и сегодня культурные продукты и даже произведения искусства невозможно окончательно отделить, дистанцировать от рынка, отделить от пространства его потребления [5].

Уникальная по своему содержанию книга У. Баумоля и У. Боуэна «Исполнительские искусства – экономическая дилемма» (1966 г.) стала своеобразным плацдармом для понимания точек соприкосновения этих, казалось бы, не пересекающихся сфер – экономики и высокого искусства. Появление креативных индустрий как отдельного сектора экономики, концепция «экономики впечатлений» (Дж. Пайн, Дж. Гилмор), активно использующая уникальность культуры как ресурса и т. п. упрочили существование новой экономики – экономики культуры. Как отмечает Д. Тросби, она в основном сосредоточена на «производстве и потреблении культуры (главным образом, искусства), характеризующейся как чисто экономические процессы» [22, с. 31].

В то же время экономическая ценность не в состоянии охватить, исчерпать ценность культурную, и эта проблема также становится частью как культурологических,

так и экономических исследований, выводя их в междисциплинарную область, расширяя, преодолевая границы отдельных наук.

Говоря о дисциплинарном дискурсе современных исследований культуры, можно отметить некую *размытость, полисемантичесность и трансгрессивность* используемых понятий и, в частности, понятия культуры. Это приводит к размыванию границ её конкретных исследований, что не позволяет четко очерчивать и границы самой культурологии как отдельной науки в привычном смысле слова.

Таким образом, проблема выстраивания границ культурологического знания и основных аспектов её соприкосновения со смежными областями знания возникает в гуманитарной науке в момент изменения семантического поля её понятийного аппарата. И, в частности, с момента трансформации концепта культуры, когда она «стала рассматриваться не как «застывший» феномен, не как идеализированный мир человеческого существования, а как движущееся и движимое явление с открытыми границами для <...> взаимодействия» [21].

Всё это способствовало выходу культурологии за пределы истории культуры и искусства, позволило включить в исследования социально-политическую и экономическую составляющие, сформировав своеобразный базис для междисциплинарных исследований культуры.

Culture Studies: социально-политический вектор культурологии в пространстве постмодерна

Еще одним своеобразным шагом на пути к трансдисциплинарности исследований культуры стало появление в 60-х годах прошлого века такого западного направления, как Culture studies. В рамках постмодернистской парадигмы исследования культуры перестают быть замкнутыми на сути самого этого феномена, и культура из цели превращается в средство, инструмент

регулирования социальных, политических и даже экономических отношений. А. Я. Флиер, рассуждая о судьбах культурологии, отмечает, что в контексте постмодернистских настроений социальное регулирование осуществляется «как действия по обеспечению именно культурных интересов людей. Социальное всё больше и больше превращается в культурное. А это означает, что науки о культуре во всё большей мере становятся политическими науками, науками об управлении обществом» [26, с. 9]. Изначально появившись как исследование этносов, классов и гендерных отношений как продуктов культуры, Culture studies представляла собой фактически не столько научно-исследовательскую, сколько политическую программу, которая изучала культуру как регулирующий и стабилизирующий конфликты феномен: «Она препятствует развитию политических конфликтов в наиболее радикальных, разрушительных формах. Ей имманентна ориентация на согласие, которая снижает объективные социально-экономические противостояния» [2, с. 77]. Данное направление предложило несколько моделей понимания культуры, что, в совокупности с *постмодернистскими тенденциями* привело к расцвету такого исследовательского подхода, как *studies*, в котором стараются избегать «тотализаций и разговора о культуре как таковой и концентрирующегося скорее на микроисследованиях» [18, с. 13]. Всё это также способствовало уходу от понимания культуры как высокой сферы, ограничивающейся искусством, литературой, архитектурой и историей этнических и национальных культур. Однако главное, что подчеркнули Culture studies, – это междисциплинарность, что поспособствовало институционализации и упрочению положения наук о культуре в мировом исследовательском пространстве. Возможность выбора любых методов и стратегий, подходящих под поставленную научно-исследовательскую задачу, – это основной, на наш взгляд, вклад данного направления в становление современной культу-

рологии. Сосредоточенные на исследовании социальной и культурной реальности во всей её полноте и сложности, Culture studies непосредственно связаны с постмодернистской методологией и постмодернистским пониманием действительности.

Такое осмысление проблем позволило обнаружить скрытые смыслы и неявные конфликты в социальном пространстве. Именно с позиций постмодернизма культура начала осмысливаться как ресурс, инструмент, «... информационно-манипулятивная стратегия социального управления, практическая значимость которой в регулировании социальных процессов необычайно высока. <...> Постмодернизм был сосредоточен преимущественно на анализе культуры как текста и его неявных смыслов как информационного потока, обеспечивающего социально-регулятивные задачи управления» [27, с. 4].

Таким образом, и прикладной уровень культурологии появился под влиянием политики, экономики и менеджмента, в том числе, в рамках постмодернистской парадигмы и Cultural studies, вынудив отойти от привычной методологической традиции в исследованиях культуры. Достаточно явно на такое изменение указывает, например, обновленный паспорт специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, который включает, с одной стороны, как традиционные для теоретической культурологии и истории культуры направления: 3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 21. Миф в системе культуры; 60. Культура романтизма и т. д.), так, с другой стороны, тематику прикладных исследований, затрагивающих междисциплинарные области: 44. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики. Государственная и негосударственная культурная политика. 50. Культура профессиональных сфер деятельности (правовая, политическая, экономическая, административная и др.).

51. Культура и хозяйственно-экономическая жизнь общества. 69. Культурная безопасность и безопасность культуры. 110. Наука – технология – культура: подходы к изучению их взаимовлияния [19].

Подведём некоторые итоги нашего исследования.

Во-первых, трансдисциплинарность современной культурологии обусловлена реакцией на постпостмодернистскую парадигму культуры и опирается на несколько ключевых факторов: ресурсность культуры и её сближение с экономикой, переход от культуры как цели к культуре как средству решения социальных, политических и экономических проблем и т. п.

Во-вторых, расширение семантического поля культуры, произошедшее не только под влиянием смежных с культурологией областей (таких как культурная антропология, этнография, искусствоведение), но и под влиянием постмодернистских и постструктуралистских концепций, посвященных текстуализации восприятия политических, социальных, экономических и иных аспектов существования культуры [18], способствовало выходу исследований культуры на трансдисциплинарный уровень.

В-третьих, трансгрессивность самой культуры, не позволяющая установить какие бы то ни было стационарные и чёткие границы данного понятия, способствовала расширению исследовательской парадигмы культуры и её методологической составляющей.

В-четвертых, прикладной уровень исследований культуры, значительно расширивший сегодня предметное поле культурологии и выведший исследования в междисциплинарную область, обозначил ряд теоретических и методологических проблем, преодолеть которые можно только при трансдисциплинарном подходе к исследованиям.

Современная культурология нуждается в расширении и уточнении понятийного аппарата, в разработке новых методологических стратегий, которые будут учитывать

неразрывность теоретического уровня и уровня прикладного. Именно это способствует выведению культурологии на трансдисциплинарный уровень, указывая на то, что гуманитарные науки есть не что иное, как науки о культуре.

В-пятых, на трансдисциплинарность указывает и новый паспорт специальности по культурологии. Помимо укрупнения

специальностей перечень возможных направлений исследования в истории и теории культуры значительно расширился, захватывая как смежные отрасли (философию, социологию, историю и искусствоведение), так и достаточно оторванные, на первый взгляд, направления (экономику, государственное управление, политологию, юриспруденцию и т. п.).

Список литературы

1. Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура // Культурологический журнал. 2010. №1. С. 1–13 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-predmet-i-struktura>
2. Беляев Д. А., Кондратьев И. М., Нелюбова И. В., Трубицын А. Г. Cultural studies как альтернативная грамматика дискурса о культуре: неомарксистские рецепции и социальнополитическая практика // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 73–80.
3. Быховская И. М. Прикладной вектор культурологии: искомое и сущее // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 14. С. 21–40.
4. Гернер С. Л., Китов Ю. В. Проблема метода в науке о культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. №6 (98). С. 50–68.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под научной редакцией А. Олейникова. Москва : Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.
6. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 1. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. 912 с.
7. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. В 2 кн. : Книга первая, 2-е издание. Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. 368 с.
8. Каган М. С. Взаимоотношение наук, искусства и философии как историко-культурная проблема // Гуманитарий. Ежегодник №1. Санкт-Петербург : Петрополис, 1995. С. 14–28.
9. Каиштанова С. М. Трансгрессия как социально-философское понятие: дис... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2016. 203 с.
10. Коняев М. Рецензия на книгу Фредерика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» / пер. с англ. Д. Кралечкина; под научн. ред. А. Олейникова. Москва : Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с. [Электронный ресурс]. URL: https://doxajournal.ru/texts/jameson_postmodernism
11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 2000. С. 427–457.
12. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. Москва : АЛЕТЕЙЯ, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=http%3A%2F%2Fwww.gum%20ru.info%2Fbogoslov%20%20Buks%2FPhilos%2Flist%2Findex%20%20.php%20%20&lr=213&clid=2708947&promo=mail.ru&mstatid=99999999&mssp=1>
13. Мареева Е. В. Культурология или философия культуры: истоки методологического конфликта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. №1 (99). С. 52–61.

14. Микитинец А. Ю. Феномен трансгрессивности современной культуры (методологический аспект) // Таврические студии. Культурология. 2015. №7. С. 31–36.
15. Микитинец О. И. Концепция культуры как «текста в тексте» Ю. М. Лотмана // Культура народов Причерноморья. 2008. №134. С. 51–52.
16. Мосолова Л. М. Культурология в контексте междисциплинарных исследований // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 247–251.
17. Павлов А. В. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 1–24 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskiy-gen-yavlyaetsya-li-postkapitalizm-postpostmodernizmom>
18. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2021. 560 с.
19. Паспорт специальности Культурология // Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892>
20. Пономаренко И. Н. Постмодернизм и гипертекст // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 7. С. 98–103.
21. Попов Е. А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // Философская мысль. 2013. № 3. С. 170–204 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=415
22. Тросби Д. Экономика и культура. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.
23. Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н., Докучаев И. И., Леонов И. В. Информационно-семиотическая теория культуры: введение: монография. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. 208 с.
24. Тюленева Е. М. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика. Иваново, 2006. 295 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/d6f/Tyuleneva.pdf>
25. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. Москва : АСТ, Москва : Хранитель, 2007. 413 с.
26. Флиер А. Я. Культурология 2011. Авторский сборник эссе и статей. Москва : Согласие, 2011. 560 с.
27. Флиер А. Я. Науки о культуре после постмодернизма: постфутурология // Обсерватория культуры. 2012. № 2. С. 4–11.
28. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. С. 111–132.
29. Чебанюк Т. А. Методологические основания культурологии // Фундаментальные проблемы современной культурологии. Т. I. Теория культуры. Санкт-Петербург, 2007. С. 127–136.
30. Шиньев Е. П. Интертекстуальность как механизм культурного взаимодействия и социокультурный феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 1. С. 81–88.

*

Поступила в редакцию 16.01.2023